ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.11
УДК 325.2
JEL J01

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Диверсификация миграционных стратегий населения Таджикистана: между регионами России и Германией[1]

Абубакр Х. РАХМОНОВ ✉
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Рахмонов, А. Х. (2026). Диверсификация миграционных стратегий населения Таджикистана: между регионами России и Германией. *AlterEconomics, 23*(2), 448–476. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.11

Аннотация. В статье рассматривается переориентация части таджикских трудовых мигрантов с традиционного российского направления на Германию как новое и постепенно усиливающееся направление трудовой, образовательной и профессиональной мобильности. Цель исследования состоит в выявлении факторов, каналов и перспектив развития миграционного направления Таджикистан — Германия в контексте трансформации внешней миграции населения Таджикистана и изменения роли России в миграционных стратегиях домохозяйств. Методологическую основу исследования составляют анализ научной литературы, международной статистики ОЭСР и Всемирного банка, материалов официальных ведомств, а также данные авторского социологического опроса таджикских студентов, выпускников и молодых мигрантов, находящихся в Германии. Показано, что Германия не замещает Россию как основное направление трудовой миграции из Таджикистана, а формируется как дополнительный канал миграционного выбора, ориентированный на более институционализированные и правовые формы мобильности. Развитие германского направления связано с образовательными программами, профессиональной подготовкой, рабочими визами, программами добровольного социального года, рекрутинговыми механизмами и расширением легальных возможностей трудоустройства. Особое значение имеют языковая подготовка, правовая защищенность, перспективы долгосрочной интеграции, семейного воссоединения и профессионального продвижения. Одновременно снижение привлекательности российского направления обусловлено влиянием экономических кризисов, валютной нестабильности, ужесточения миграционного регулирования, социальных рисков и геополитической неопределенности. Результаты исследования показывают, что выбор Германии связан не только с уровнем заработной платы, но и с ожиданиями стабильности, безопасности, предсказуемого правового статуса и более широких возможностей накопления человеческого капитала. Сделан вывод, что германское направление отражает не разрыв с российским миграционным вектором, а более широкий процесс диверсификации миграционных стратегий таджикских мигрантов, усложнения каналов внешней трудовой мобильности и постепенного формирования нового миграционного коридора между Таджикистаном и Германией.

Ключевые слова: трудовая миграция, Таджикистан, Германия, Россия, миграционная переориентация, миграционные каналы, трудовая эмиграция, денежные переводы

[1] © Рахмонов А. Х. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Reorientation of Tajik Labour Migrants from Russian Regions to German Regions: Factors, Channels, and Prospects

Abubakr Kh. RAKHMONOV
Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Rakhmonov, A. Kh. (2026). Reorientation of Tajik Labour Migrants from Russian Regions to German Regions: Factors, Channels, and Prospects. *AlterEconomics, 23*(2), 448–476. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-2.11

Abstract. This article examines the gradual reorientation of Tajik labour migrants away from Russia toward Germany as an emerging destination for labour, educational, and professional mobility. The study identifies the factors, channels, and development prospects of the Tajikistan–Germany migration corridor in the context of Tajikistan's shifting external migration patterns and Russia's changing role in household migration strategies. The analysis draws on academic literature, international statistical data from the OECD and the World Bank, official sources, and the author's own sociological survey of Tajik students, graduates, and young migrants residing in Germany. The findings show that Germany is not replacing Russia as the primary destination for Tajik labour migration, but is emerging as an additional channel oriented toward more institutionalized and legally regulated forms of mobility. Key drivers include educational programmes, vocational training, work visas, voluntary social year schemes, and expanding legal employment opportunities, with particular importance attached to language training, legal protection, family reunification, and prospects for professional advancement. Meanwhile, Russia's declining attractiveness reflects economic instability, currency volatility, stricter migration regulation, social risks, and geopolitical uncertainty. Crucially, the choice of Germany is driven not only by wage expectations but by aspirations for stability, legal predictability, and human capital accumulation.

Keywords: labour migration, Tajikistan, Germany, Russia, migration reorientation, migration channels, labour emigration, remittances

1. Введение

После распада Советского Союза внешняя миграция населения Таджикистана прошла несколько этапов, различавшихся по причинам, социальному составу мигрантов и географии направлений (Olimova, 2010). Первый этап, охватывающий 1991–2003 гг., был связан с гражданской войной, постконфликтной трансформацией общества и вынужденным выездом части населения, включая русскоязычные группы, этнических русских, а также жителей районов, наиболее затронутых социально-политической нестабильностью (Kan & Aytimur, 2019). Второй этап, пришедшийся на 2004–2014 гг., характеризовался формированием массовой трудовой миграции в Россию и другие страны СНГ (Kumo, 2012; Yormirzoev, 2017). В этот период Россия закрепилась в качестве основного направления трудовой миграции из Таджикистана, что было обусловлено исторически сложившимися социально-экономическими связями, безвизовым режимом, распространенностью русского языка, устойчивыми миграционными сетями и значительным спросом на труд мигрантов[1] (Malyuchenko, 2015).

С середины 2010-х гг. в миграционной системе Таджикистана усиливаются процессы диверсификации направлений трудовой и образовательной мобильности (Justino & Shemyakina, 2012). При сохранении ключевой роли России как традиционного и наиболее массового направления миграции постепенно возрастает интерес части таджикских мигрантов к странам дальнего зарубежья, в т. ч.

[1] ILO. (2010). *Migration and development in Tajikistan: Emigration, return and diaspora*. Moscow: International Labour Organization.

к Германии. Данный процесс особенно заметен среди молодых, более образованных мигрантов, владеющих языком, для которых Германия становится направлением обучения, профессиональной подготовки, трудоустройства и долгосрочного социально-экономического продвижения (Benedetti et al., 2025).

Расширение миграционных связей между Таджикистаном и Германией связано с несколькими факторами. С одной стороны, в Таджикистане сохраняется высокий миграционный потенциал, обусловленный демографической молодостью населения, потребностью в занятости, стремлением к повышению уровня доходов и получению качественного образования. С другой стороны, Германия обладает устойчивым спросом на квалифицированную и среднеквалифицированную рабочую силу, развитыми образовательными институтами, программами профессионального обучения и правовыми механизмами привлечения иностранных специалистов. В этих условиях Германия начинает восприниматься частью таджикских мигрантов не как альтернатива России в конфликтном смысле, а как дополнительная возможность трудовой и образовательной эмиграции, расширяющая возможности миграционного выбора (Rakhmonov & Manshin, 2019).

Германия в последние годы становится одним из значимых направлений для таджикских студентов, выпускников, молодых специалистов и трудовых мигрантов (Privara, 2022). Если первоначально миграция в Германию была связана преимущественно с академической мобильностью и выездом высококвалифицированных специалистов, то в настоящее время она охватывает более широкий круг мигрантов, включая участников программ профессионального обучения, волонтерских программ, обладателей рабочих виз и лиц, ориентированных на последующее трудоустройство (Malakhov, 2018). Важную роль в этом процессе играют образовательные программы, знание немецкого и английского языков, деятельность информационных и посреднических сетей, а также формирующиеся таджикские диаспоральные сообщества в Германии, способствующие адаптации новых мигрантов.

Настоящая статья посвящена анализу трансформации направлений трудовой эмиграции таджикских мигрантов и усилению германского направления в структуре внешней миграции из Таджикистана. В центре внимания находятся причины изменения миграционных предпочтений, основные каналы выезда, социально-демографический портрет респондентов, масштабы и тенденции миграционного потока, а также перспективы дальнейшего развития миграционных связей между Таджикистаном и Германией. Особый акцент сделан на том, что Германия рассматривается не только как страна временного заработка, но и как направление, связанное с образованием, профессиональной подготовкой, легальным трудоустройством и возможностью долгосрочной интеграции.

Таким образом, миграция таджиков в Германию анализируется в статье как формирующийся миграционный коридор, возникающий на пересечении нескольких процессов: сохранения значимости традиционных направлений миграции, расширения образовательных и трудовых возможностей в Германии, усиления роли языковой подготовки и миграционных сетей, а также роста индивидуальных стратегий профессионального и социального продвижения. Сочетание историко-институционального анализа таджикско-германских связей, статистической оценки миграционных потоков и результатов социологического опроса позволяет раскрыть не только количественные параметры данного процесса, но и его социально-экономическое содержание (Glorius, 2018; Eltges & Strubelt, 2019).

2. Обзор литературы

Научная литература о миграции из Таджикистана в основном сформировалась вокруг анализа трудовой мобильности в постсоветском пространстве, прежде всего в российском направлении. В работах С. Олимовой миграция рассматривается как один из ключевых факторов трансформации человеческого капитала Таджикистана, а также как механизм адаптации населения к социально-экономическим изменениям после распада СССР (Olimova, 2010). Данный подход важен для понимания исторической логики таджикской миграции, однако он в большей степени ориентирован на традиционные направления выезда и не раскрывает в полной мере новые миграционные маршруты, связанные со странами дальнего зарубежья.

Экономические последствия трудовой миграции из Таджикистана подробно анализируются в исследованиях К. Аззарри и А. Зезза, а также К. Кумо (Azzarri & Zezza, 2011; Kumo, 2012). Данные авторы рассматривают миграцию через призму денежных переводов, уровня бедности, питания домохозяйств и зависимости семей от внешних источников дохода. Их работы позволяют показать, что трудовая миграция стала важным элементом социально-экономической устойчивости таджикских домохозяйств. Вместе с тем такой подход преимущественно фиксирует миграцию как источник дохода и денежных переводов, тогда как современные миграционные стратегии части таджикских мигрантов становятся более сложными и включают не только заработок, но и образование, профессиональную подготовку, изменение правового статуса и долгосрочную интеграцию в принимающем обществе.

В исследованиях, посвященных миграции из Таджикистана, данный процесс рассматривается в контексте изменения направлений выезда, роли стран ОЭСР, денежных переводов и новых каналов эмиграции (Justino & Shemyakina, 2012; Kan & Aytimur, 2019). Данные работы важны для понимания постепенного расширения географии миграции за пределы традиционного постсоветского пространства. Однако в имеющейся литературе пока недостаточно подробно раскрыт именно тот процесс, который составляет предмет настоящей статьи, а именно трансформация трудовой эмиграции таджикских мигрантов, ранее ориентированных на российское направление, в сторону Германии как нового канала образовательной, профессиональной и трудовой мобильности.

Отдельное значение имеют исследования, посвященные Германии как стране приема мигрантов. Б. Глориус рассматривает миграцию в Германию через призму институциональных условий приема, интеграционных процессов и общественного дискурса (Glorius, 2018). М. Элтгес и В. Штрубельт анализируют историческую и современную роль миграции в развитии Германии (Eltges & Strubelt, 2019). А. Привара исследует связь между конкурентоспособностью Германии, потребностями рынка труда и миграционной политикой (Privara, 2022). Эти работы показывают, что Германия заинтересована в привлечении иностранных работников, студентов и специалистов в условиях демографического старения и дефицита кадров. Вместе с тем мигранты из Таджикистана в данной литературе, как правило, не выделяются в качестве самостоятельной группы, что ограничивает возможности анализа их специфических мотивов, каналов въезда и стратегий адаптации.

Таким образом, в существующей научной литературе можно выделить два основных исследовательских направления. Первое связано с изучением таджикской трудовой миграции преимущественно в контексте России и стран СНГ. Второе посвящено Германии как принимающей стране и ее миграционной политике. Однако

связь между этими двумя направлениями пока изучена недостаточно. Особенно слабо раскрыт вопрос о том, почему часть таджикских мигрантов, ранее ориентированных на российские регионы как традиционное направление трудовой миграции, начинает рассматривать Германию как новое пространство трудовой эмиграции, профессиональной подготовки и долгосрочного социально-экономического продвижения.

3. Методология исследования

Исследование основано на смешанном методологическом подходе, сочетающем анализ международной статистики, материалов научной литературы, нормативно-институциональных источников и данных авторского социологического опроса. Такой подход позволяет рассматривать формирование германского направления трудовой эмиграции таджикских мигрантов не только как статистически фиксируемое изменение миграционной географии, но и как социальный процесс, связанный с образовательными стратегиями, профессиональной подготовкой, выбором правового канала въезда и дальнейшими планами мигрантов.

Количественный блок исследования включает анализ данных международных статистических баз по миграционным потокам, миграционным запасам и денежным переводам. Для оценки динамики въезда граждан Таджикистана в Германию использованы данные «OECD International Migration Database», позволяющие проследить годовые изменения миграционного потока. Для анализа макроэкономического значения денежных переводов использованы показатели Всемирного банка по личным переводам в текущих долларах США и в процентах к ВВП, а также материалы «KNOMAD/World Bank» по двусторонним матрицам денежных переводов. Применение этих источников дает возможность сопоставить германское направление с традиционными направлениями миграции из Таджикистана и определить его место в более широкой структуре внешней трудовой мобильности.

Эмпирическая часть исследования основана на авторском онлайн-опросе таджикских студентов, выпускников и молодых мигрантов, находившихся в странах ОЭСР. Анкета распространялась через социальные сети и онлайн-группы таджикских сообществ за рубежом. В общей базе опроса были представлены респонденты, проживавшие или обучавшиеся в Германии, Австрии, США, Канаде и других странах. Для целей настоящей статьи из общей базы была выделена немецкая подвыборка, включающая 113 респондентов, находившихся в Германии. Именно данная подвыборка используется для анализа социально-демографического и миграционного портрета таджикских мигрантов, ориентированных на германское направление.

Портрет респондентов был сформирован по нескольким группам переменных. В социально-демографический блок вошли пол, возраст, уровень образования, гражданство и страна проживания. В миграционный блок включены год приезда в Германию, тип визы или миграционного статуса, причины выбора Германии, причины отказа от российского направления, продолжительность поиска последней работы, сфера первого трудоустройства и текущая сфера занятости. Отдельно анализировались языковые характеристики респондентов, включая самооценку владения таджикским, русским, английским и немецким языками, язык мышления, язык домашнего общения и основной язык повседневной коммуникации. Кроме того, учитывались дальнейшие миграционные планы респондентов, включая намерение остаться в Германии, вернуться в Таджикистан после работы или обучения, либо временно поработать в Германии и затем переехать в другую страну.

Немецкая подвыборка имеет выраженный молодежный и образовательный профиль. Возраст респондентов варьирует от 22 до 55 лет, при этом основную часть составляют лица в возрасте 20–35 лет — 88 человек, или 77,8 % в подвыборке. Респонденты в возрасте 36 лет и старше представлены 25 людьми, или 22,2 %. По полу в подвыборке представлены 67 мужчин и 46 женщин, что составляет соответственно 59,3 % и 40,7 %. По уровню образования преобладают респонденты с высшим образованием — 97 человек, или 85,8 %. Кроме того, 8 респондентов имеют степень кандидата или доктора наук, что составляет 7,1 %; 4 респондента имеют среднее образование и 4 респондента — среднее специальное образование, по 3,5 % каждые. Такой образовательный состав позволяет рассматривать германское направление не только как канал трудовой эмиграции, но и как пространство образовательной, профессиональной и квалификационной мобильности. По гражданству большинство респондентов являются гражданами Таджикистана — 105 человек, или 92,9 %. Один респондент указал гражданство России и Таджикистана, еще один респондент обозначил переходный или смешанный гражданско-правовой статус.

По годам приезда в Германию подвыборка охватывает период с 1995 по 2020 гг. При этом основная часть респондентов прибыла после 2010 г. — 100 человек, или 88,5 %. До 2010 г. прибыли 13 респондентов, или 11,5 %. Наиболее заметная концентрация наблюдается в период 2014–2020 гг., на который приходится 80 респондентов, или 70,7 %. Это позволяет рассматривать германское направление не как единичное явление, а как постепенно расширяющийся канал трудовой, образовательной и профессиональной мобильности таджикских мигрантов. По типам въезда в анкетах представлены учебные, рабочие, туристические, волонтерские визы, программы DAAD, социальные программы, вид на жительство и гражданство. Такое разнообразие статусов показывает, что Германия выступает не только направлением классической трудовой миграции, но и пространством последовательного перехода от обучения, волонтерства или временного пребывания к занятости и более устойчивому правовому статусу.

Сферы первого трудоустройства и текущей занятости респондентов демонстрируют более дифференцированную структуру по сравнению с традиционными моделями низкоквалифицированной трудовой миграции. В анкетах указаны образование и наука, информационные технологии, медицина и социальная помощь, туризм, рестораны и кафе, финансы и экономика, продажи, косметология, транспорт, салоны красоты и отдельные позиции в инвестиционных компаниях. Это позволяет говорить о том, что германское направление связано не только с поиском заработка, но и с включением в образовательные, сервисные, социальные, медицинские и профессионально-технические сегменты рынка труда.

Языковой профиль респондентов также имеет важное значение для понимания специфики германского направления. Большинство участников опроса указывают таджикский язык как родной, русский язык как язык свободного или уверенного общения, английский язык на уровне понимания или свободного владения, а немецкий язык как важнейший язык повседневной и профессиональной интеграции в Германии. В ответах о языке мышления, домашнего общения и основном языке коммуникации представлены разные комбинации таджикского, русского, немецкого и английского языков. Это свидетельствует о многоязычном характере данной группы и о том, что языковая подготовка становится одним из ключевых условий перехода от традиционных направлений миграции к новым странам трудовой эмиграции.

Особое значение для исследования имеет блок вопросов о дальнейших планах респондентов. Намерение остаться в Германии указали 92 респондента, или 81,4 %. Еще 13 респондентов (11,5 %) планируют поработать и вернуться на родину в Таджикистан. 8 респондентов (7,1 %) указали намерение временно поработать в Германии и затем переехать в другую страну. Это показывает, что для большинства участников опроса Германия выступает не только страной временного заработка, но и направлением долгосрочного проживания, профессионального развития и интеграции.

Таким образом, методология исследования позволяет соединить макро-статистический анализ миграционных потоков с микро-социологическим анализом мотивов, статусов, языковых характеристик и жизненных планов респондентов. Такой подход соответствует цели статьи, поскольку дает возможность раскрыть не только масштабы роста германского направления, но и социальный профиль тех таджикских мигрантов, для которых Германия становится новым направлением трудовой эмиграции, профессиональной подготовки и долгосрочного развития.

4. Историко-институциональные предпосылки формирования направления Таджикистан — Германия

Формирование Германии как одного из новых направлений трудовой, образовательной и профессиональной мобильности граждан Таджикистана следует рассматривать не только через призму индивидуальных миграционных решений, но и в более широком историко-институциональном контексте отношений между двумя государствами. В отличие от традиционного российского направления, которое исторически сформировалось на основе общего постсоветского пространства, языковой близости, безвизового режима и устойчивых трудовых связей, германское направление развивается преимущественно через образовательные, институциональные, профессиональные и правовые каналы (Malyuchenko, 2015; Schenk, 2018). Поэтому анализ предпосылок его формирования требует обращения к истории таджикско-германского сотрудничества, динамике двусторонних связей и тем механизмам, которые постепенно создали основу для миграционной мобильности в направлении Германии.

Германия стала одним из первых западноевропейских государств, установивших дипломатические отношения с Республикой Таджикистан после обретения Таджикистаном независимости[1]. Официальные дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1992 г., в 1993 г. Германия открыла посольство в Душанбе, а в 1994 г. Таджикистан открыл свое дипломатическое представительство в Бонне, позднее перенесенное в Берлин[2]. Эти шаги имели не только внешнеполитическое значение, но и заложили институциональную основу для последующего развития двустороннего сотрудничества в экономической, образовательной, культурной и гуманитарной сферах[3].

---

[1] История взаимоотношений Германии и Таджикистана. *Sputnik Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://tj.sputniknews.ru/20160401/1019080669.html (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Отношения Таджикистана с Германией. *Министерство иностранных дел Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mfa.tj/ru/berlin/view/180/otnosheniya-tadzhikistana-s-germaniei (дата обращения: 28.10.2025).

[3] Таджикистан — Германия: динамика развития двусторонних отношений и новые перспективы интенсификации многостороннего сотрудничества. *Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mts.tj/ru/5416/news/ (дата обращения: 28.10.2025).

Важную роль в укреплении таджикско-германских связей сыграли официальные визиты и межгосударственные контакты высокого уровня. В 2003 г. состоялся официальный визит Президента Республики Таджикистан Э. Рахмона в Германию, после чего последовали визиты представителей германского политического руководства в Таджикистан. В 2006 г. Душанбе посетил министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер, в 2008 г. — государственный министр Г. Эрлер[1]. Особое значение имел государственный визит Президента Таджикистана в Германию в 2011 г., в ходе которого состоялись встречи с федеральным канцлером А. Меркель и федеральным президентом К. Вульфом. Подписанные в этот период соглашения в сферах геологии, энергетики, финансов, здравоохранения и технического сотрудничества способствовали укреплению институционального доверия между двумя странами и расширению практических каналов взаимодействия[2].

Экономическое сотрудничество между Таджикистаном и Германией является одним из важных институциональных оснований развития двусторонних отношений. Германия, представляя крупнейшую экономику Европы, на протяжении длительного времени взаимодействует с Таджикистаном через механизмы технической помощи, инвестиционного сотрудничества, программ развития и поддержки отдельных отраслей экономики. Среди ключевых направлений такого сотрудничества можно выделить производство строительных материалов, передачу германских технологий и управленческого опыта, развитие производства декоративного камня, переработку сельскохозяйственной продукции, торгово-экономическое взаимодействие, а также поддержку финансового сектора. Одним из практических результатов такого взаимодействия стало открытие в 2010 г. филиала «AccessBank Tajikistan» в рамках соглашения о техническом сотрудничестве, что способствовало привлечению германского банковского опыта в финансовую систему Таджикистана[3].

В последующие годы экономические связи между двумя странами развивались через совместные форумы, отраслевые инициативы и программы международного развития. Так, в 2013 г. в Душанбе был проведен Экономический форум по энергетике и возобновляемым ресурсам при поддержке Германского энергетического агентства DENA и Восточного комитета германской экономики. Данное мероприятие способствовало расширению контактов между германскими деловыми кругами, государственными структурами и экономическими партнерами в Таджикистане, прежде всего в энергетическом секторе. В 2015 г. в рамках делового взаимодействия был поддержан региональный проект по адаптации к изменению климата в высокогорных районах Центральной Азии, реализуемый при участии германских организаций международного сотрудничества[4]. Кроме того, Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития

[1] Отношения Таджикистана с Германией. *Министерство иностранных дел Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mfa.tj/ru/berlin/view/180/otnosheniya-tadzhikistana-s-germaniei (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Там же

[3] Таджикистан — Германия: динамика развития двусторонних отношений и новые перспективы интенсификации многостороннего сотрудничества. *Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mts.tj/ru/5416/news/ (дата обращения: 28.10.2025).

[4] Там же.

Германии финансировало программы в Таджикистане, многие из которых реализовывались Германским обществом по международному сотрудничеству «GIZ». К числу таких инициатив относится программа «Устойчивое использование природных ресурсов в Центральной Азии», ориентированная на решение экологических, ресурсных и управленческих задач в Таджикистане и соседних странах.

Значение этих экономических и проектных связей для темы настоящей статьи состоит в том, что они не только укрепляли двустороннее сотрудничество, но и формировали институциональную среду, благоприятную для последующих образовательной, профессиональной и трудовой мобильности. Участие таджикских специалистов, организаций и государственных структур в совместных проектах расширяло профессиональные контакты с германскими структурами, повышало информированность о возможностях обучения, стажировок, повышения квалификации и трудоустройства в Германии. Поэтому экономическое сотрудничество можно рассматривать как один из косвенных, но важных факторов формирования германского направления трудовой эмиграции. Оно создавало не прямой массовый миграционный поток, а систему доверия, контактов и институциональной узнаваемости, на основе которой в дальнейшем стали развиваться образовательные, профессиональные и трудовые каналы мобильности между Таджикистаном и Германией.

Особое значение для формирования германского направления имеет образовательное сотрудничество. Германия на протяжении длительного времени поддерживала образовательные и академические обмены с Таджикистаном, включая программы Германской службы академических обменов DAAD[1]. Для таджикских студентов, аспирантов и молодых исследователей Германия стала одним из значимых направлений получения образования, повышения квалификации и последующего профессионального развития. Именно образовательная мобильность во многом стала первоначальной основой германского направления миграции, поскольку многие мигранты въезжали в Германию не сразу как трудовые мигранты, а как студенты, стипендиаты, участники языковых, академических или профессиональных программ. В дальнейшем часть из них переходила к занятости, получению вида на жительство и более устойчивому правовому статусу (Kubal, 2016; Justino & Shemyakina, 2012).

Культурно-образовательное сотрудничество занимает особое место в развитии таджикско-германских отношений и имеет непосредственное значение для формирования германского направления миграционной мобильности. Германия на протяжении длительного времени поддерживает образовательный сектор Таджикистана. В 2005 г. германской стороной была предоставлена значительная грантовая помощь системе среднего образования Таджикистана, что способствовало укреплению образовательной инфраструктуры и расширению институциональных контактов между двумя странами[2]. Наряду с этим важным направлением, появились академические обмены, реализуемые через Германскую службу академических обменов

[1] Германская служба академических обменов (DAAD) в Таджикистане. *Федеральное министерство иностранных дел Германии*. [Электронный ресурс]. https://duschanbe.diplo.de/tj-ru/deutschland-und-tadschikistan/daad-tajikistan/1586268 (дата обращения: 28.06.2025).

[2] Отношения Таджикистана с Германией. *Министерство иностранных дел Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mfa.tj/ru/berlin/view/180/otnosheniya-tadzhikistana-s-germaniei (дата обращения: 28.10.2025).

DAAD[1]. Ежегодно студенты, аспиранты и молодые исследователи из Таджикистана получают возможность проходить обучение, стажировки и научную подготовку в Германии. Данные программы формируют не только образовательные, но и последующие профессиональные траектории, поскольку часть выпускников после завершения обучения остается в Германии для трудоустройства либо сохраняет устойчивые транснациональные связи, которые в дальнейшем способствуют расширению миграционных сетей (Olimova, 2010; Justino & Shemyakina, 2012).

В этом контексте образовательная мобильность выступает одним из ключевых каналов постепенного формирования германского направления трудовой эмиграции. В отличие от традиционных направлений трудовой миграции, где первичным мотивом часто выступает непосредственный выход на рынок труда, миграция в Германию нередко начинается с обучения, языковой подготовки, участия в академических программах, профессиональной стажировки или программ профессионального образования. Именно поэтому германское направление следует рассматривать как более институционализированную форму мобильности, в которой образование, профессиональная подготовка и последующее трудоустройство тесно связаны между собой.

Туристические, культурные и гуманитарные обмены также способствовали укреплению контактов между Таджикистаном и Германией. Участие Таджикистана в международной туристической выставке «ITB Berlin» в марте 2015 г., а также проведение при поддержке Посольства Таджикистана в Берлине мероприятий по продвижению туристического потенциала страны расширили представление германской аудитории о Таджикистане[2]. Такие формы культурной дипломатии имеют не только имиджевое значение, но и способствуют развитию межличностных, деловых и профессиональных связей. В долгосрочной перспективе они повышают узнаваемость Таджикистана в Германии и создают более благоприятную среду для образовательных, трудовых и предпринимательских контактов.

Совокупность дипломатических, экономических, культурных и образовательных связей постепенно сформировала институциональную основу для развития миграционного взаимодействия между Таджикистаном и Германией. В последние годы миграционная проблематика стала более заметной частью двусторонней повестки. Так, 15 января 2024 г. Посол Республики Таджикистан в Германии И. Сатторов провел встречу со специальным представителем федерального правительства Германии по миграционным соглашениям Й. Штампом, в ходе которой обсуждались состояние и перспективы сотрудничества в сфере миграции, включая возможность развития более упорядоченных механизмов трудовой мобильности[3]. Это свидетельствует о заинтересованности сторон в формировании легальных

[1] Германская служба академических обменов (DAAD) в Таджикистане. *Федеральное министерство иностранных дел Германии*. [Электронный ресурс]. https://duschanbe.diplo.de/tj-ru/deutschland-und-tadschikistan/daad-tajikistan/1586268 (дата обращения: 28.06.2025).

[2] Таджикистан — Германия: динамика развития двусторонних отношений и новые перспективы интенсификации многостороннего сотрудничества. *Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан*. [Электронный ресурс]. https://mts.tj/ru/5416/news/ (дата обращения: 28.10.2025).

[3] Meeting of the Ambassador of Tajikistan with the Special Plenipotentiary of the Federal Government of Germany for Migration Agreements. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan*. [Электронный ресурс]. https://mfa.tj/en/berlin/view/14184/meeting-of-the-ambassador-of-tajikistan-with-the-special-plenipotentiary-of-the-federal-government-of-germany-for-migration-agreements (дата обращения: 23.05.2025).

и регулируемых каналов миграции, ориентированных на профессиональную подготовку, трудоустройство и защиту прав мигрантов (Glorius, 2018).

Дополнительное значение имеет развитие транспортной доступности между двумя странами. Открытие прямого авиасообщения между Душанбе и Мюнхеном снижает организационные и временные издержки поездок, облегчает образовательную, деловую, семейную и трудовую мобильности. Хотя транспортный фактор сам по себе не является главным источником миграции, он усиливает уже сложившиеся образовательные, профессиональные и институциональные связи, делая Германию более доступным направлением для граждан Таджикистана.

Таким образом, таджикско-германские отношения за три десятилетия прошли путь от установления дипломатических контактов к многостороннему партнерству, включающему экономику, образование, культуру, техническое сотрудничество и миграционную повестку. Именно эта институциональная база создает предпосылки для формирования Германии как нового направления трудовой эмиграции граждан Таджикистана. При этом речь не идет о противопоставлении Германии традиционному российскому направлению. Россия сохраняет значение основного и исторически сложившегося направления трудовой миграции из Таджикистана, тогда как Германия постепенно формируется как дополнительный канал образовательной, профессиональной и трудовой мобильности. Такая диверсификация расширяет миграционный выбор граждан Таджикистана и позволяет рассматривать германское направление как перспективный элемент современной миграционной системы страны.

5. Каналы трудовой эмиграции из Таджикистана в Германию

Формирование Германии как нового направления трудовой эмиграции таджикских мигрантов связано с расширением образовательных, профессиональных, институциональных и правовых каналов мобильности. При сохранении России в качестве традиционного и наиболее массового направления трудовой миграции из Таджикистана Германия постепенно приобретает значение дополнительного направления для тех групп мигрантов, которые ориентированы на получение образования, профессиональную подготовку, легальное трудоустройство и долгосрочное развитие человеческого капитала. В этом смысле речь идет не о замещении одного миграционного направления другим, а о диверсификации миграционных стратегий и расширении географии трудовой мобильности (Justino & Shemyakina, 2012; Kan & Aytimur, 2019).

Каналы выезда таджикских мигрантов в Германию отличаются институциональным разнообразием. Они включают в себя образовательные программы, академические стипендии, профессиональное обучение, рабочие визы, рекрутинговые механизмы, волонтерские и социальные программы, а также временные каналы въезда, которые в дальнейшем могут трансформироваться в более устойчивые формы пребывания и занятости. Такая структура показывает, что германское направление не сводится исключительно к классической трудовой миграции. Оно формируется на пересечении трудовой, образовательной и профессионально-квалификационной мобильности, что соответствует современным потребностям германского рынка труда и миграционной политике Германии (Glorius, 2018; Privara, 2022).

Одним из наиболее значимых каналов является образовательная миграция. Особую роль здесь играет Германская служба академических обменов «DAAD»[1], которая предоставляет иностранным студентам, аспирантам и молодым исследователям возможности для обучения, научной подготовки и повышения квалификации в Германии. Для граждан Таджикистана программы «DAAD» и другие академические механизмы выступают важным инструментом вхождения в германское образовательное пространство. Образовательный канал имеет стратегическое значение, поскольку он позволяет мигрантам не только получить диплом или квалификацию, но и постепенно адаптироваться к языковой, институциональной и профессиональной среде Германии. В дальнейшем часть выпускников переходит к трудоустройству, получению рабочего статуса или вида на жительство, что превращает образовательную мобильность в один из каналов формирования квалифицированной трудовой эмиграции (Jaupart, 2019).

Наряду с академическими программами, значимую роль играют частные и государственные механизмы трудоустройства за рубежом. В Таджикистане действуют частные рекрутинговые агентства, которые содействуют поиску работы, подготовке документов, взаимодействию с работодателями и прохождению визовых процедур. Такие организации выступают посредниками между потенциальными мигрантами и зарубежными работодателями. В качестве одного из примеров можно привести международную рекрутинговую компанию «ANCOR Central Asia»[2], работающую в странах Центральной Азии и ряде других государств. Кроме того, важное значение имеет деятельность Агентства по трудоустройству за рубежом при Министерстве труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, созданного в 2014 г.[3] Его работа направлена на расширение легальных каналов трудовой мобильности и поиск новых возможностей занятости для граждан Таджикистана за пределами страны.

Германское направление в этом контексте представляет интерес прежде всего потому, что оно связано с более регулируемыми и институционально оформленными механизмами привлечения иностранных работников. Германия заинтересована в привлечении квалифицированных и среднеквалифицированных кадров в сферы, испытывающие кадровую потребность, включая медицину, социальный уход, гостинично-ресторанный сектор, отдельные технические специальности, сервисные профессии и информационные технологии (Malakhov, 2018; Privara, 2022). Вместе с тем данный канал требует от мигрантов более серьезной предварительной подготовки, включая знание немецкого языка, подтверждение квалификации, оформление документов и адаптацию к требованиям германского рынка труда.

Особое место среди каналов миграции занимает система профессионального обучения «Ausbildung». В последние годы дуальная система профессионального обучения Германии, известная как «Ausbildung», стала более доступной для иностранных граждан, включая выходцев из Таджикистана. Данная система сочетает

[1] Германская служба академических обменов (DAAD) в Таджикистане. *Федеральное министерство иностранных дел Германии*. [Электронный ресурс]. https://duschanbe.diplo.de/tj-ru/deutschland-und-tadschikistan/daad-tajikistan/1586268 (дата обращения: 28.06.2025).

[2] ANCOR Central Asia. [Электронный ресурс]. https://thehrd.ru/companies/ancor_central_asia/ (дата обращения: 12.04.2026).

[3] ГУ «Агентство по трудоустройству за рубежом». [Электронный ресурс]. https://mehnat.tj/ (дата обращения: 28.03.2026).

теоретическое обучение в образовательном учреждении с практической подготовкой на рабочем месте по конкретной профессии или специальности. Продолжительность обучения, как правило, составляет от 1 до 4 лет в зависимости от выбранного направления подготовки. Для значительной части молодых граждан Таджикистана, которые не ориентированы на получение университетского образования, но стремятся к легальному трудоустройству и профессиональной интеграции в Германии, Ausbildung представляет собой один из наиболее привлекательных каналов миграционной мобильности (Glorius, 2018; Privara, 2022).

Важным условием участия в программах «Ausbildung» является знание немецкого языка, как правило, не ниже уровня B1. Поэтому языковая подготовка становится не второстепенным, а структурным элементом миграционной стратегии. Распространение информации об «Ausbildung» во многом происходит через социальные сети, диаспоральные контакты, отзывы выпускников таких программ и неформальные информационные каналы среди таджикской молодежи в Германии[1]. Это свидетельствует о постепенном формировании миграционных сетей, которые уже не ограничиваются традиционными направлениями, а начинают поддерживать новые траектории образовательной и трудовой мобильности.

В период обучения участники Ausbildung получают ежемесячное вознаграждение, размер которого может составлять примерно от 380 до 1500 евро в зависимости от профессии и года обучения. Эти средства позволяют частично покрывать базовые расходы на проживание. Кроме того, участникам разрешается совмещать обучение с ограниченной частичной занятостью — до 10 часов в неделю или до 40 часов в месяц. После успешного завершения программы выпускники могут перейти к полноценному трудоустройству и получить рабочий статус. В этом смысле Ausbildung выступает не только как форма профессионального обучения, но и как важный переходный механизм к долгосрочной квалифицированной занятости в Германии. Рост популярности данного канала особенно значим для молодежи со средним уровнем квалификации, которая не всегда имеет возможность получить академическую стипендию, но готова инвестировать время и ресурсы в изучение профессии и немецкого языка (Oeben & Klumpp, 2021).

Еще одним относительно доступным каналом въезда для молодых граждан Таджикистана является участие в программах «Freiwilliges Soziales Jahr» (FSJ) и «Freiwilliges Ökologisches Jahr», которые переводятся как добровольный социальный год и добровольный экологический год. Эти программы, объединяемые аббревиатурой FSJ, представляют собой поддерживаемую государством форму волонтерской деятельности в Германии. Они позволяют молодым людям как из Германии, так и из других стран в течение 6–18 месяцев работать в социальных, образовательных, медицинских, экологических или иных общественно значимых организациях. Как правило, программа ориентирована на молодежь в возрасте до 27 лет[2].

Значение волонтерских и социальных программ состоит в том, что они снижают первоначальные барьеры включения в германское общество. Для части молодых

[1] Шодиев, Х. (2022, 7 апреля). Таджикские мигранты идут на Запад. Там они не чувствуют себя чужими. *Asia-Plus*. [Электронный ресурс]. https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220407/tadzhikskie-migranti-idut-na-zapad-tam-oni-ne-chuvstvuyut-sebya-chuzhimi (дата обращения: 30.09.2025).

[2] Там же.

мигрантов из Таджикистана такие программы становятся первым опытом жизни в Германии, способом языковой адаптации и профессионального самоопределения. Они особенно важны для тех, кто еще не имеет достаточного уровня квалификации или не готов сразу выходить на рынок труда. Поэтому FSJ и аналогичные программы можно рассматривать как промежуточный канал между образовательной мобильностью, социальной адаптацией и последующей трудовой эмиграцией (Justino & Shemyakina, 2012).

Данные авторского опроса подтверждают многообразие каналов первоначального въезда таджикских мигрантов в Германию. Согласно результатам опроса, наибольшая доля респондентов прибыла по учебной визе — 54,0 %. Рабочая виза составила 18,6 %, туристическая виза — 13,3 %, участие в программе добровольного социального или экологического года «FSJ» — 6,2 %, социальная виза — 4,4 %, «DAAD» — 3,5 %. Эти данные показывают, что образовательный канал является ведущим механизмом формирования германского направления, однако наряду с ним заметную роль играют трудовые, туристические, волонтерские и академические каналы.

Преобладание образовательной миграции, представленное на рисунке 1, имеет важное аналитическое значение. Оно показывает, что повышение человеческого капитала, языковой подготовки и образовательных компетенций становится одним из ключевых механизмов миграционной мобильности. Следующей по значимости категорией являются рабочие визы, на которые приходится около 19 % ответов. Вероятно, в эту группу входят как респонденты, нашедшие работу через рекрутинговые агентства, так и те, кто перешел к трудоустройству после обучения в Германии.

Въезд по туристической визе, составляющий 13 %, отражает еще одну миграционную стратегию: первоначальное прибытие в Германию в качестве посетителя с последующим поиском возможностей для продолжения пребывания, обучения или трудоустройства. Важно отметить, что многие мигранты, начавшие свою траекторию

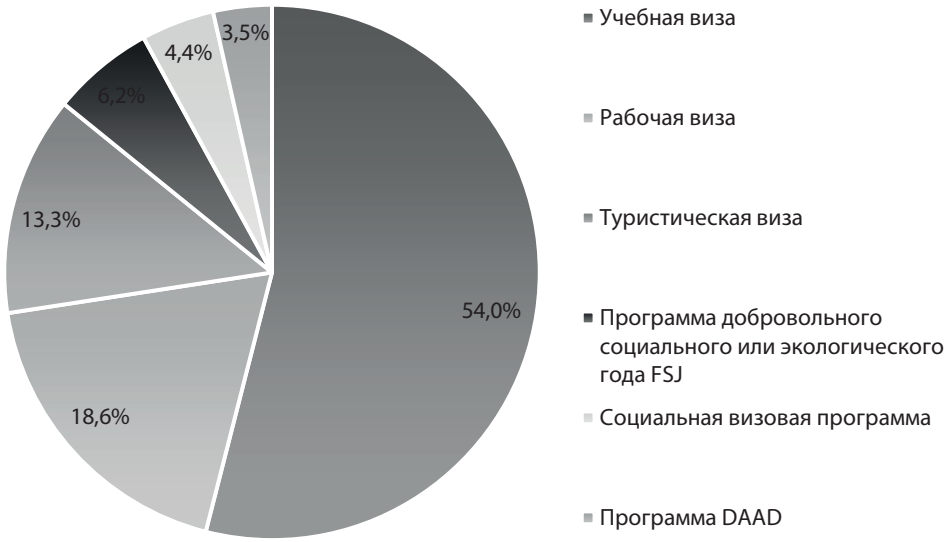


Рис. 1. *Основные каналы эмиграции из Таджикистана в Германию, % (источник: авторский социологический опрос, 2022 г.)*
Fig. 1. *Main Channels of Emigration from Tajikistan to Germany, %*

в одной категории, впоследствии переходят в другую. Так, для таджикских студентов или лиц, первоначально прибывших в Германию по туристической визе, последующее трудоустройство и переход в статус трудового мигранта после получения работы являются достаточно распространенной траекторией. Данные опроса подтверждают, что часть респондентов, прибывших по учебным или туристическим визам, в дальнейшем изменила свой статус на рабочий и осталась в Германии на более длительный срок. Следовательно, первоначальный канал въезда не всегда определяет конечный результат миграционной траектории: германская система допускает легальные переходы от обучения или временного пребывания к занятости, что является одним из важных преимуществ данного направления.

Сквозным условием почти для всех каналов миграции в Германию выступает владение немецким языком. Мигранты отмечают, что значительная часть времени и ресурсов затрачивается на изучение немецкого языка как до выезда, так и в начальный период пребывания в Германии. В этом отношении германское направление отличается от российского, где для многих таджикских мигрантов важным ресурсом выступает знание русского языка, полученное еще в школьный период или в процессе прежнего миграционного опыта (Olimova, 2010). Необходимость изучения немецкого языка может рассматриваться одновременно как барьер и как инвестиция: с одной стороны, она требует предварительных усилий и затрат, с другой — повышает готовность мигранта к интеграции в немецкий рынок труда и принимающее общество. Значимость языковой подготовки подтверждается результатами опроса: респонденты указывали, что существенная часть их подготовки к переезду была связана с языковыми курсами, а более 80 % опрошенных молодых таджикских мигрантов в странах ОЭСР оценили свой уровень владения немецким языком как свободный. Это свидетельствует об определенной селективности миграции в Германию: данное направление чаще выбирают более образованные и владеющие языком представители таджикской молодежи либо те, кто целенаправленно формирует такие компетенции в процессе подготовки к выезду (Jaupart, 2019).

Таким образом, каналы миграции из Таджикистана в Германию охватывают образовательную, экономическую и культурно-социальную сферы. Роль государства Таджикистан постепенно меняется: от преимущественно наблюдательной позиции к более активному содействию внешней трудовой мобильности, в т. ч. через деятельность Агентства по трудоустройству за рубежом. Это отражает признание значимости диверсификации миграционных направлений. Для Германии данные каналы выступают механизмом привлечения международных студентов, молодых специалистов и работников, что соответствует потребности страны в восполнении дефицита квалифицированных и среднеквалифицированных кадров. В следующих разделах будут рассмотрены факторы, побуждающие таджикских мигрантов выбирать эти каналы, а также более широкие тенденции роста миграции в Германию в сравнении с традиционными направлениями.

6. Факторы переориентации таджикских мигрантов на новое направление миграции в Германию

Смещение потоков таджикских мигрантов в направлении Германии обусловлено сочетанием внутренних факторов, связанных с условиями в Таджикистане и характеристиками самих мигрантов, а также внешних факторов, отражающих привлекательность Германии и условия в других странах назначения. Понимание

этих факторов имеет ключевое значение для объяснения того, почему в последнее десятилетие тысячи граждан Таджикистана начали рассматривать западное направление как пространство новых возможностей[1].

К числу внутренних факторов относятся социально-экономические условия в Таджикистане, а также изменение навыков, ожиданий и жизненных стратегий населения. Высокий уровень безработицы и неполной занятости остается одним из основных факторов выталкивания. В условиях молодой возрастной структуры населения и ограниченного числа создаваемых рабочих мест многие граждане Таджикистана рассматривают миграцию как один из наиболее реальных способов достижения финансовой стабильности. Уровень заработной платы в стране остается низким, и даже лица с высшим образованием нередко сталкиваются с трудностями при поиске подходящей работы. В этой связи перспектива получения более высокого дохода за рубежом выступает значимым стимулом. Германия, обладая сильной экономикой и более высоким уровнем жизни, предлагает возможности заработка, которые трудно реализовать внутри Таджикистана.

Еще одним внутренним фактором является распространение немецкого языка и западного образования в таджикском обществе (Privara, 2022; Glorius, 2018). Открытие частных школ английского и немецкого языков, а также доступ к западной культуре через Интернет способствовали формированию поколения молодых таджиков, обладающих языковыми компетенциями и культурной ориентацией на европейское направление. Более 80 % опрошенных таджикских студентов в Германии указали, что свободно владеют немецким языком, что с видетельствует о значительных усилиях, вложенных в языковую подготовку. Кроме того, важную роль играют информационные факторы, включая истории успеха соотечественников, обучающихся или работающих в Германии, которые распространяются через социальные сети. Опыт сверстников, сумевших получить образование или трудоустроиться в Германии, способен стимулировать других потенциальных мигрантов к аналогичному выбору, формируя эффект миграционного подражания (Privara, 2022; Deissinger, 2015).

Внешние факторы в значительной степени связаны с условиями в странах назначения. Одним из важнейших внешних факторов является спрос Германии на рабочую силу и относительно открытая миграционная политика в отношении квалифицированных работников из стран, не входящих в Европейский союз. Демографическое старение и нехватка кадров в Германии создают возможности трудоустройства в различных секторах — от инженерных специальностей и информационных технологий до здравоохранения и сферы услуг. Данный спрос подтверждается официальными материалами федерального правительства Германии. В частности, в выступлении федерального министра труда и социальных дел ФРГ Х. Хайля по вопросу закона об иммиграции квалифицированных работников отмечалось, что уже в 2023 г. во многих сферах Германии ощущалась нехватка рабочих и квалифицированных кадров, а при отсутствии дополнительных мер к 2035 г. дефицит рабочей силы мог бы достигнуть до 7 млн чел.[1] В ответ на это Германия сформировала миграционную политику, направленную на привлечение иностранных специалистов, что привело к расширению каналов въезда и снижению ряда барьеров для мигрантов из таких стран, как Таджикистан. Например, Закон об иммиграции квалифицированных работников 2020 г. упростил возможность трудоустройства в Германии для граждан

[1] IOM. (2022). *World Migration Report 2022*. Geneva: International Organization for Migration. [Электронный ресурс]. https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022 (дата обращения: 16.06.2026).

стран, не входящих в ЕС, имеющих профессиональную квалификацию, а не только университетское образование[1]. Такая политика выступает значимым фактором притяжения, поскольку демонстрирует готовность Германии к приему иностранных работников на легальной и институционально оформленной основе.

Другим внешним фактором является политический и социальный климат в традиционных странах приема, прежде всего в России. Как отмечалось ранее, экономические кризисы в России, включая спад 2014–2016 гг., а также валютная волатильность оказали прямое влияние на таджикских мигрантов, поскольку доходы в рублях при переводе на родину существенно теряли стоимость. В более поздний период конфликт в Украине и последующие международные санкции в отношении России усилили инфляционные процессы и неопределенность, что снизило стабильность данного направления (Kan & Aytimur, 2019).

Наряду с экономическими обстоятельствами, на выбор миграционного направления влияют и субъективные оценки социальной среды в принимающей стране (Poletaev, 2025). Согласно результатам опроса, почти половина таджикских респондентов (48 %) указала, что страх дискриминации стал одной из причин отказа от трудоустройства в России (Kan & Aytimur, 2019). В отличие от этого, Германия воспринималась ими как более толерантная среда. Германия рассматривается как страна, где действует верховенство права и обеспечивается защита прав мигрантов. Для таджикских мигрантов, большинство из которых являются мусульманами, важное значение имеет свобода вероисповедания. В Германии, например, по состоянию на 2022 г. насчитывалось около 2350–2750 мечетей, обслуживающих разнообразную мусульманскую общину[2]. Это свидетельствует о возможности открытого исповедания религии. Отсутствие системной дискриминации в Германии — «наши права равны правам граждан Германии, здесь больше свободы и нет дискриминации по национальному или религиозному признаку», как отметил один из таджикских мигрантов в Германии, — выступает существенным фактором притяжения. Таджикские СМИ также подчеркивали, что мигранты «едут на Запад», поскольку «там они не чувствуют себя чужими», что отражает значимость социального принятия в Европе[3].

Соотношение экономических стимулов и социального отношения представляет собой более сложный вопрос в дискуссии о выборе направления таджикскими мигрантами. Хотя заработная плата в Германии выше, можно было бы предположить, что именно этот фактор является главным. Однако имеющиеся данные показывают более сложную картину: разница в доходах типичного таджикского мигранта в России и Германии после учета стоимости жизни может оказаться не столь значительной, как ожидается. Согласно исследованию ученых, в среднем таджикский мигрант в России отправлял семье около 5000 долл. США в год, тогда как мигрант в Германии — около 6000 долл. США. Этот разрыв, хотя и является значимым, не явля-

[1] Heil, H. (2023). Rede des Bundesministers für Arbeit und Soziales, Hubertus Heil, zum Fachkräfteeinwanderungsgesetz vor dem Deutschen Bundestag am 27. April 2023. In *BULLETIN DER BUNDESREGIERUNG*. [Электронный ресурс]. https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975954/2187042/8ab80b0062f170dd708704e5ea1b44c1/47-2-bmas-fachkraefte-data.pdf (дата обращения: 16.06.2026).

[2] Мечети Германии: шесть фактов. *Aussiedlerbote.de*. [Электронный ресурс]. https://aussiedlerbote.de/2022/10/mecheti-germanii-shest-faktov/ (дата обращения: 16.09.2025).

[3] Шодиев, Х. (2022, 7 апреля). Таджикские мигранты идут на Запад. Там они не чувствуют себя чужими. *Asia-Plus*. [Электронный ресурс]. https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220407/tadzhikskie-migranti-idut-na-zapad-tam-oni-ne-chuvstvuyut-sebya-chuzhimi (дата обращения: 30.09.2025).

ется кратным, учитывая различия в уровне заработной платы. Это означает, что доход, несмотря на его важность, не выступает единственным фактором выбора страны назначения. Мигранты часто придают большое значение безопасности, легальности пребывания и долгосрочным перспективам (Justino & Shemyakina, 2012).

Германия предоставляет возможность постоянного проживания, воссоединения семьи и получения гражданства, что многие таджикские мигранты рассматривают как привлекательный фактор с точки зрения будущей стабильности. Немецкая политика также способствует семейному воссоединению. Так, один из мигрантов отмечал, что немецкие органы помогли ему воссоединиться с семьей и найти жилье, что положительно повлияло на его благополучие. В отличие от этого, мигранты в России часто рассматривают свое пребывание как временное, ориентированное на заработок и последующее возвращение домой, отчасти потому, что интеграция в российское общество за пределами определенного уровня остается сложной (Kumo, 2012).

Таким образом, переориентация миграции из России в Германию может быть объяснена совокупностью указанных факторов. Усилия Таджикистана по диверсификации миграции, включая открытие новых каналов и обсуждение соглашений, совпадают с восприимчивостью Германии и ее привлекательной институциональной средой. Несмотря на то, что Россия по-прежнему принимает наибольшую долю таджикских мигрантов благодаря историческим связям, языку и простоте въезда, ее доминирование постепенно ослабевает. Если Россия продолжит пересматривать миграционное регулирование и усиливать требования к пребыванию и трудоустройству иностранных работников или если экономическая ситуация станет менее благоприятной для стабильной занятости мигрантов, многие таджикские мигранты могут активнее рассматривать дополнительные направления трудовой мобильности. Для Таджикистана, который является вторым по численности источником трудовых мигрантов в России после Узбекистана, данный процесс имеет существенное значение. Как отмечает один из наблюдателей, при дальнейшем изменении миграционного регулирования и экономической конъюнктуры в России часть таджикских мигрантов может переориентироваться на европейские страны и США, несмотря на сохраняющееся масштабное преимущество российского направления (Benedetti et al., 2025).

В целом факторы таджикской миграции в Германию имеют многоаспектный характер. Внутренние факторы выталкивания, такие как безработица и рост языковых компетенций, формируют группу потенциальных мигрантов, готовых к выезду. Внешние факторы притяжения, включая спрос Германии на рабочую силу, благоприятную социальную среду и поддерживающую миграционную политику, создают привлекательные условия для выбора данной страны. Одновременно негативные условия в России способствуют отталкиванию части мигрантов, завершая механизм миграционной переориентации. Данная динамика отражает более широкий тренд в миграционных процессах Центральной Азии, где наблюдается диверсификация направлений за пределами российского пространства под влиянием глобализации и изменений миграционной политики. В следующем разделе будет количественно оценен масштаб данного сдвига путем анализа миграционных тенденций и сопоставления миграции в Германию с другими миграционными коридорами[1].

[1] IOM. (2020). *World Migration Report 2020*. Geneva: International Organization for Migration. [Электронный ресурс]. https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020 (дата обращения: 16.06.2026).

7. Миграционные тенденции и сравнительный анализ

Изменение факторов миграционного выбора находит отражение в количественных сдвигах миграционных моделей. Несмотря на то, что большинство таджикских трудовых мигрантов по-прежнему направляется в Россию и в меньшей степени в Казахстан, что связано с географической близостью и сложившимися миграционными сетями, имеющиеся данные свидетельствуют о заметном росте выезда в страны дальнего зарубежья за последнее десятилетие, особенно в Германию (OECD, 2023). В данном разделе представлен сравнительный анализ масштабов эмиграции из Таджикистана в Германию и другие основные страны назначения на основе последних доступных данных Всемирного банка и ОЭСР.

Согласно оценкам Всемирного банка по миграционным запасам, численность выходцев из Таджикистана в Германии выросла и превысила соответствующие показатели по большинству других стран, за исключением России. В 2021 г. численность лиц, родившихся в Таджикистане и проживавших в Германии, достигла примерно 32,2 тыс. чел., что почти в два раза больше, чем в Казахстане, где соответствующий показатель составлял около 16 тыс. чел. Данное соотношение представлено на рисунке 2. Казахстан исторически выступал одним из важнейших направлений миграции из Таджикистана после России, что было связано со спросом на рабочую силу и относительной территориальной близостью. Однако к началу 2020-х гг. Германия по данному показателю заметно опередила Казахстан, что отражает изменение структуры предпочтительных направлений миграции.

Важно подчеркнуть, что Россия по-прежнему принимает основную долю таджикских мигрантов: по различным оценкам, численность граждан Таджикистана, работающих или проживающих в России в конкретный период времени, часто

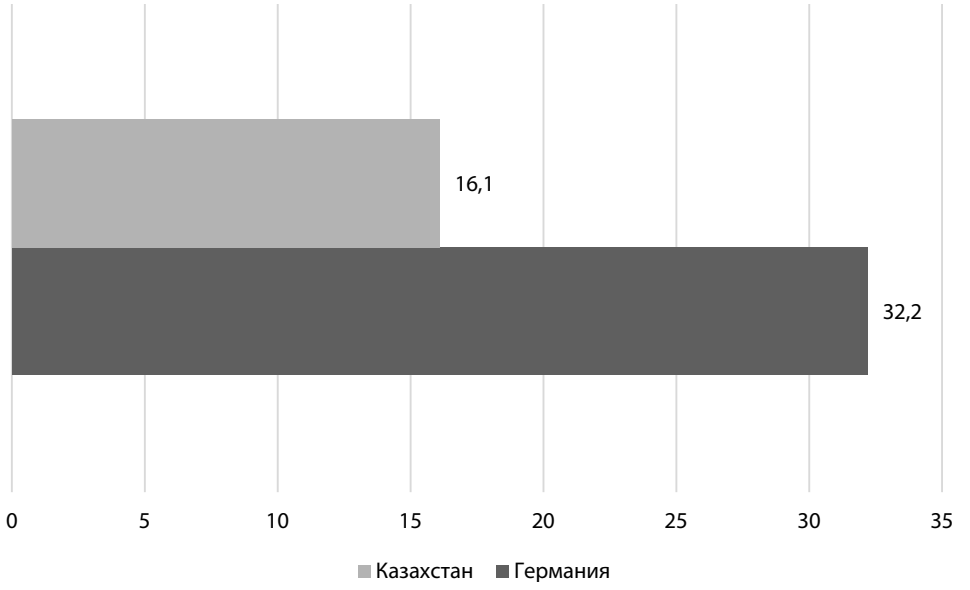


Рис. 2. *Численность мигрантов из Таджикистана в отдельных странах в 2021 г., тыс. чел. (источник: (Рязанцев и др., 2023))*
Fig. 2. *Number of Migrants from Tajikistan in Selected Countries in 2021, Thousand Persons*

превышает 1 млн чел., хотя точные значения варьируются[1]. Данные Всемирного банка, представленные на рисунке 2, отражают отдельные ведущие направления за пределами России. Сам факт того, что Германия занимает столь заметное место, несмотря на географическую удаленность и более высокие требования к въезду, свидетельствует о выраженности тенденции миграционной переориентации. Другие направления дальнего зарубежья, включая США, Турцию или Канаду, также принимают таджикских мигрантов, однако их численность, даже в совокупности исчисляемая десятками тысяч, остается ниже показателя Германии (OECD, 2024). Так, в США может проживать порядка 5–10 тыс. иммигрантов из Таджикистана, включая постоянных жителей и студентов, что является значимым показателем, но всё же уступает численности таджикских мигрантов в Германии. В ряде европейских стран, таких как Польша или Великобритания, также наблюдается определенный рост, однако Германия выделяется за счет сочетания образовательных связей, рекрутинговых механизмов и институциональных каналов мобильности.

Динамика роста таджикской миграции в Германию особенно отчетливо проявляется в данных о миграционных потоках. На рисунке 3 представлена ежегодная численность притока таджикских мигрантов в Германию за 2010–2022 гг. В 2010 г. в Германию переехали лишь несколько сотен граждан Таджикистана. К 2022 г. данный показатель увеличился примерно до 7,7 тыс. чел. за один год, что означает почти десятикратный рост за рассматриваемое десятилетие. Ускорение данной тенденции особенно заметно после 2014 г., что совпадает с периодом экономических трудностей в России, западных санкций и расширения доступности новых каналов миграции в страны ОЭСР (Benedetti et al., 2025).

Как видно из рисунка 3, кривая притока мигрантов в Германию имеет выраженную восходящую динамику и становится более крутой в последние годы рассматриваемого периода. Уже к 2018 г. ежегодное число прибывших превысило отметку в 3 тыс. чел., после чего рост продолжился. Значительное увеличение показателя в 2022 г. до 7,7 тыс. чел., вероятно, связано также с восстановлением мобильности после пандемийных ограничений и влиянием германского иммиграционного законодательства 2020 г. При этом следует учитывать, что показатель 2022 г. включает разные категории мигрантов, в т. ч. студентов, работников и лиц, прибывших по линии семейного воссоединения.

В сравнении с этим миграционные потоки в Россию за тот же период оставались относительно стабильными либо демонстрировали умеренное снижение, если не учитывать сезонные колебания. Ежегодно сотни тысяч граждан Таджикистана направляются в Россию, однако значительная часть этой миграции имеет циркулярный характер, поскольку многие мигранты периодически возвращаются на родину. Поэтому чистое увеличение численности таджиков в постоянном населении России не является столь выраженным, поскольку часть мигрантов возвращается или перемещается в другие страны. В Казахстане, напротив, наблюдалось сокращение численности таджикских мигрантов по мере замедления экономической динамики и расширения возможностей в других направлениях; к 2022 г. новые въезды таджикских мигрантов в Казахстан были существенно меньше по сравнению с тысячами прибывших в Германию.

[1] World Bank. (2023). *Tajikistan Economic Update. Focusing on Boosting Private Sector Dynamism in Tajikistan*.

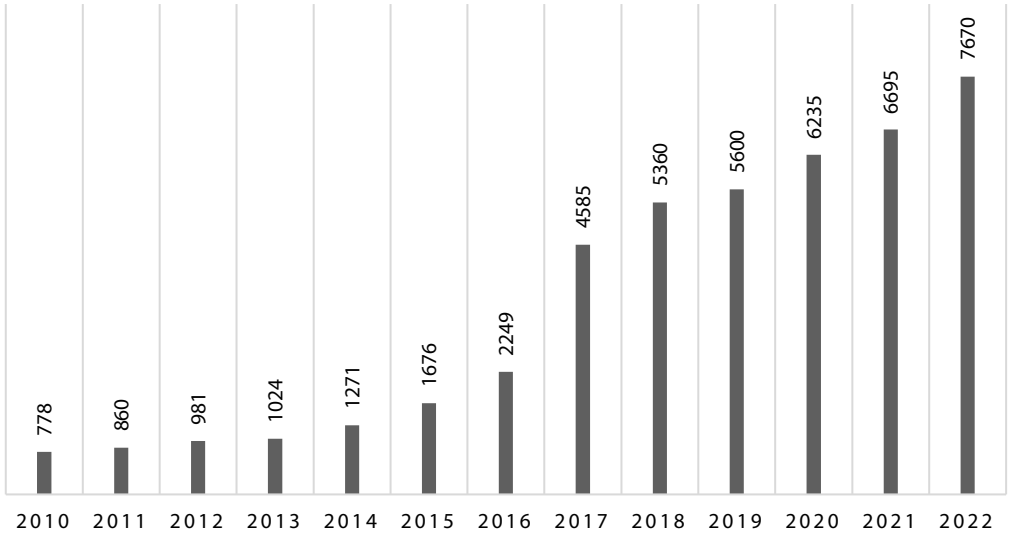


Рис. 3. *Ежегодный приток таджикских мигрантов в Германию, 2010–2022 гг., чел. (источник: сост. автором на основе статистических данных ОЭСР*[1]*)*
Fig. 3. *Annual Inflow of Tajik Migrants to Germany, 2010–2022, Persons*

Вместе с тем необходимо учитывать масштабные различия между направлениями. Приток 7,7 тыс. таджикских мигрантов в Германию в 2022 г. по-прежнему составляет лишь небольшую часть общего объема внешней миграции из Таджикистана. В тот же год около 1 млн граждан Таджикистана выезжали за рубеж на работу, преимущественно в Россию, согласно официальным оценкам таджикской стороны. Следовательно, доля Германии в общем миграционном потоке растет, но пока не является доминирующей. Ее значение определяется прежде всего качественными особенностями данного направления: мигранты, выезжающие в Германию, чаще представляют более молодые, образованные и ориентированные на долгосрочное проживание группы, тогда как основная масса миграции в Россию в большей степени связана с непосредственной экономической необходимостью и краткосрочным заработком (Azzarri & Zezza, 2011).

Наличие поддерживающей диаспоры и миграционных сетей в Германии также способствует устойчивости данной тенденции. Таджикские студенты и специалисты в Германии формируют различные сообщества и ассоциации. Например, онлайн-группа «Tojikoni Olmon» — «Таджики в Германии» — выполняет функцию площадки для обмена информацией, консультаций, размещения вакансий и взаимной поддержки. Такие сети облегчают адаптацию, а также могут стимулировать цепную миграцию, когда за первыми мигрантами следуют их друзья, родственники или знакомые. Успешные примеры интеграции таджикских специалистов в Германии, включая врачей, работающих в германских больницах, или инженеров в немецких компаниях, расширяют представления о возможностях миграции и показывают, что она не ограничивается только низкоквалифицированной занятостью (Glorius, 2018; Malakhov, 2018).

[1] OECD Data Explorer. *OECD Statistics*. [Электронный ресурс]. https://data-explorer.oecd.org/ (дата обращения: 28.10.2025).

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что Германия стала одним из наиболее значимых направлений миграции из Таджикистана после России, опередив такие региональные альтернативы, как Казахстан. Приток новых мигрантов в Германию остается значительно меньшим, чем в Россию в абсолютном выражении, однако растет более быстрыми темпами. Эта переориентация фиксируется как в данных о миграционных запасах, так и в показателях ежегодных потоков: с одной стороны, увеличивается численность таджикской общины в Германии, с другой — растет ежегодное число новых прибытий. Данный процесс свидетельствует о диверсификации миграционного портфеля Таджикистана и может иметь значимые экономические и социальные последствия. По мере роста роли Германии Таджикистан становится несколько менее зависимым от одного направления миграции, что имеет как потенциальные преимущества, так и определенные вызовы для экономики и внешней политики страны.

8. Денежные переводы из Германии и макроэкономическое значение

Одной из наиболее ощутимых связей между миграцией и развитием являются денежные переводы, т. е. средства, которые мигранты направляют в страну происхождения. Таджикистан в значительной степени зависит от денежных переводов. На протяжении последнего десятилетия страна входила в число государств мира с наиболее высокой долей денежных переводов в ВВП. В данном разделе рассматривается роль денежных переводов таджикских мигрантов из Германии в более широком контексте, а также их макроэкономическое значение для Таджикистана.

В таблице представлены обобщенные данные о совокупном объеме денежных переводов, поступивших в Таджикистан из всех стран в 2013–2022 гг., а также их доля в ВВП страны по каждому году. Эти показатели демонстрируют масштаб значения денежных переводов для экономики Таджикистана. В рассматриваемый период денежные переводы ежегодно составляли значительную часть ВВП — примерно от одной четверти до половины валового внутреннего продукта страны.

Как показывают данные таблицы, в 2013 г. денежные переводы составляли 43,8 % ВВП. В середине 2010-х гг. их доля снизилась: в 2015–2016 гг. она находилась примерно на уровне 26–28 % ВВП, что частично было связано с экономическим спадом в России и девальвацией рубля, снизившими долларовую стоимость переводов. К 2021 г. доля денежных переводов вновь приблизилась примерно к одной трети ВВП. В 2022 г. наблюдался резкий рост — более 50 % ВВП. Такой высокий показатель, вероятно, отражает постпандемийное восстановление переводов, а также возможный аномальный рост трансграничных денежных потоков, связанный с перенаправлением части финансовых операций через Таджикистан и валютными колебаниями в условиях высокой региональной нестабильности. В среднем за 2013–2022 гг. денежные переводы составляли около 33 % ВВП Таджикистана, что подтверждает ключевую роль внешней трудовой миграции в экономике страны (Sharipov, 2014).

Основная часть этих переводов — исторически более 90 % — поступала из России. Россия традиционно выступает главным направлением миграции для граждан Таджикистана и, соответственно, основным источником денежных переводов. Так, в 2021 г., по оценкам, около 6,5 % совокупного объема денежных переводов в Таджикистан поступило из Германии, тогда как основная часть переводов приходилась на Россию. Другие страны, включая Казахстан, США и ряд иных направлений, занимали сравнительно небольшие доли. В частности, из 2,92 млрд долл.

Таблица

Денежные переводы трудовых мигрантов из-за рубежа в Таджикистан, 2013–2022 гг.

Table

Remittances of Labour Migrants to Tajikistan, 2013–2022

Год	Денежные переводы в Таджикистан, млн долл. США	Денежные переводы, % ВВП
2013	3697,7	43,8
2014	3384,1	37,1
2015	2258,6	27,3
2016	1867,4	26,7
2017	2237,2	29,7
2018	2183,3	28,1
2019	2321,9	28,0
2020	2186,8	26,9
2021	2921,7	32,7
2022	5345,5	50,9

Источник: данные Всемирного банка[1].

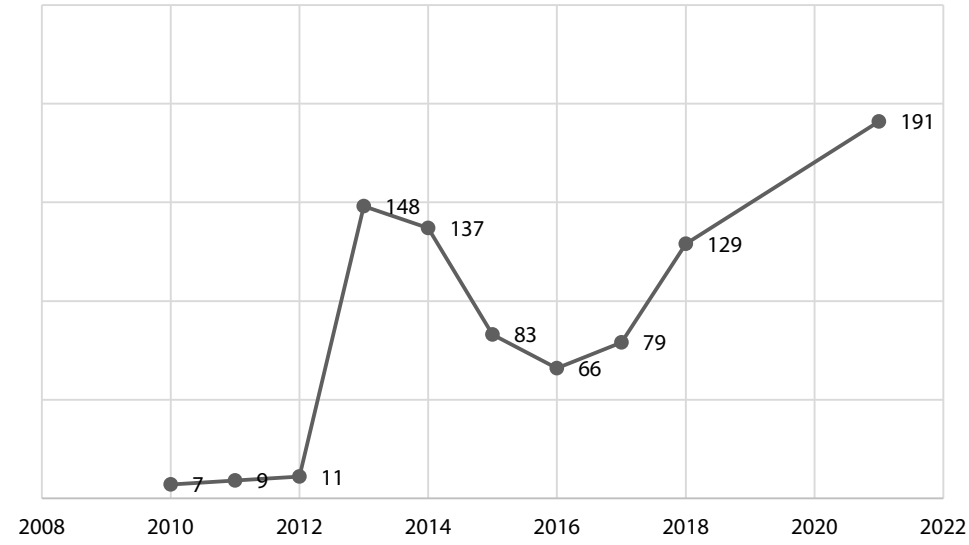


Рис. 4. *Денежные переводы из Германии в Таджикистан, 2010–2021 гг., млн долл. США (источник: сост. автором на основе данных Всемирного банка[2])*

Fig. 4. *Remittances from Germany to Tajikistan, 2010–2021, Million USD*

США, направленных в Таджикистан в 2021 г., около 190 млн долл. США поступило из Германии, тогда как мигранты, находившиеся в России, отправили значительно более крупные суммы. На рисунке 4 показана динамика денежных переводов из Германии в Таджикистан за 2010–2021 гг.

[1] World Development Indicators. *World Bank DataBank*. [Электронный ресурс]. https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Bilateral Remittance Flows. *Migration Policy Institute*. [Электронный ресурс]. https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/bilateral-remittance-flows (дата обращения: 28.10.2025).

Существует несколько причин, объясняющих, почему денежные переводы из Германии остаются сравнительно умеренными по сравнению с переводами из России, несмотря на заметный рост таджикской миграции в Германию.

Во-первых, различается характер миграции. Таджикские мигранты в России чаще рассматривают свою занятость как временную или циркулярную миграцию. Их основной целью обычно является накопление средств и регулярная отправка денег семьям в Таджикистан с последующим возвращением на родину. В Германии миграционная траектория чаще имеет более долгосрочный или постоянный характер. Мигранты нередко перевозят ближайших членов семьи или планируют закрепиться в принимающей стране. В результате они могут направлять меньше средств на родину на регулярной основе, поскольку значительная часть расходов связана с обустройством жизни в Германии, содержанием семьи и текущими затратами в стране пребывания (Kumo, 2012; Yormirzoev, 2017). Иными словами, таджикский мигрант в России может жить экономно и переводить значительную часть заработка домой, тогда как таджикский мигрант в Германии чаще содержит домохозяйство в принимающей стране и направляет средства родственникам в Таджикистан нерегулярно или в меньших объемах.

Во-вторых, существуют практические трудности, связанные с переводом средств. Для тех таджикских мигрантов в Германии, которые намерены отправлять деньги домой, сохраняются определенные институциональные и финансовые барьеры. До недавнего времени прямые банковские и переводные каналы между Германией и Таджикистаном были менее развиты, чем системы денежных переводов между Россией и странами Центральной Азии, где широко использовались такие механизмы, как «Unistream», «Золотая Корона» и партнерские сервисы «Western Union» (Murakami et al., 2021). Таджикские банки исторически имели более плотные связи с российским финансовым пространством. Более высокая стоимость и сложность переводов из Германии могли способствовать использованию неформальных каналов, например, передаче наличных через друзей, родственников или посредников, направляющихся в Таджикистан. В таких случаях часть потоков может не полностью отражаться в официальной статистике. Кроме того, отдельные мигранты используют неформальные переводные сети, когда средства передаются в евро контактному лицу в Германии, а эквивалентная сумма выдается семье в Таджикистане в сомони. Такие способы позволяют осуществлять переводы, но снижают их прозрачность и официальный учет.

В-третьих, значение имеет социально-профессиональный профиль мигрантов и уровень их доходов. Значительная часть таджикских мигрантов в Германии является студентами, участниками программ профессионального обучения, стипендиатами или молодыми специалистами на ранних этапах карьеры. Соответственно, их доходы могут быть ограниченными, особенно с учетом расходов на проживание в Германии. Это снижает объем свободных средств, которые можно регулярно переводить на родину. В России же даже мигрант, занятый на низкоквалифицированной работе, может направлять значительную часть заработка семье вследствие более низких расходов на проживание и ориентации на последующее возвращение (Azzarri & Zezza, 2011; Kumo, 2012).

Несмотря на указанные ограничения, денежные переводы из Германии увеличиваются в абсолютном выражении по мере роста численности таджикской общины. В совокупности за 2010–2021 гг. мигранты из Германии направили в Таджикистан,

по оценкам, около 860 млн долл. США. Данный объем нельзя считать незначительным: он обеспечивал устойчивый приток средств и, вероятно, поддерживал многие домохозяйства, хотя и оставался значительно меньше переводов из России. Более того, диверсификация стран происхождения денежных переводов может иметь положительное значение для финансовой устойчивости Таджикистана, поскольку снижает зависимость от одного источника переводов (Sharipov, 2014). Например, в периоды экономических спадов в России объем переводов существенно сокращался, что видно по снижению показателей с 2013 по 2015 гг. в таблице. Если бы в тот период большее число таджикских мигрантов работало в других странах, воздействие данного шока на экономику Таджикистана могло бы быть менее выраженным. В этом смысле распределение миграции и денежных переводов между несколькими странами, включая Россию, Германию и другие направления, способно снижать уязвимость Таджикистана к изменениям экономической ситуации в одной принимающей стране (Babagaliyeva et al., 2017)[1].

Макроэкономические последствия высокой зависимости от денежных переводов имеют двойственный характер. С одной стороны, денежные переводы способствовали снижению бедности и повышению уровня жизни многих семей в Таджикистане. Они используются для финансирования текущего потребления, медицинских расходов, образования и других потребностей домохозяйств. Исследования показывают, что домохозяйства, получающие денежные переводы, имеют лучшие показатели питания и благосостояния. Денежные переводы фактически выступали одним из главных источников поддержки экономического роста Таджикистана в последнее десятилетие, частично замещая ограниченные объемы прямых иностранных инвестиций и экспорта (Azzarri & Zezza, 2011).

С другой стороны, чрезмерная зависимость от денежных переводов может формировать структурные дисбалансы. Значительный приток иностранной валюты способствует укреплению национальной валюты и ухудшать конкурентные позиции местных производителей, что соответствует эффекту «голландской болезни». Кроме того, рост, основанный на потреблении, усиливает зависимость от импортных товаров, поскольку внутреннее производство остается ограниченным. Наблюдатели отмечали, что денежные переводы помогали решать краткосрочные проблемы бедности, однако одновременно способствовали росту импортной зависимости. Местным отраслям было трудно конкурировать с доступностью импортных товаров, приобретаемых за счет средств мигрантов. Это ограничивает долгосрочное развитие и создание рабочих мест внутри страны, что в свою очередь воспроизводит саму необходимость трудовой миграции.

Кроме того, экономика, существенно зависящая от внешнего спроса на труд, остается уязвимой перед внешними шоками. Это проявилось, например, в период пандемии COVID-19 в 2020 г., когда многие мигранты были вынуждены вернуться домой, а доля денежных переводов снизилась до 26,9 % ВВП по сравнению с 32 % годом ранее, как показано в таблице[2]. Политические и институциональные изменения в странах приема также могут иметь значительное влияние на Таджикистан: изменение правил пребывания мигрантов, депортационные практики или пере-

[1] Babagaliyeva, Z., Kayumov, A., Mahmadullozoda, N., & Mustaeva, N. (2017). *Migration, remittances and climate resilience in Tajikistan. Working Paper. Part I.* Almaty: The Regional Environmental Centre for Central Asia.

[2] World Bank. (2023). *Tajikistan Economic Update. Focusing on Boosting Private Sector Dynamism in Tajikistan.*

смотр визовых режимов способны напрямую отражаться на доходах домохозяйств и макроэкономической стабильности страны.

Таким образом, денежные переводы из Германии представляют собой растущий, но пока относительно небольшой сегмент общего объема переводов в Таджикистан. Они отражают усиление человеческих, экономических и миграционных связей между двумя странами. Хотя по своему макроэкономическому значению они пока уступают переводам из России, их рост свидетельствует о постепенной диверсификации миграционных и финансовых потоков, что может быть полезно для повышения устойчивости экономики Таджикистана. В целом влияние денежных переводов остается неоднозначным: с одной стороны, они поддерживают экономику страны и способствуют снижению бедности, с другой — создают долгосрочные вызовы для устойчивого развития.

В перспективе важной задачей для Таджикистана является направление части средств, поступающих от мигрантов, в производительные инвестиции, развитие инфраструктуры, предпринимательства и создание рабочих мест внутри страны. Присутствие таджикских специалистов в Германии также может сыграть важную роль в передаче знаний, профессиональных навыков и привлечении диаспоральных инвестиций при условии формирования соответствующих институциональных механизмов.

9. Заключение

Миграционная траектория Таджикистана постепенно трансформируется, и Германия становится одним из значимых направлений внешней мобильности. Проведенное исследование показывает, что сочетание факторов выталкивания в стране происхождения и факторов притяжения в принимающих странах побуждает часть таджикских мигрантов рассматривать направления за пределами постсоветского пространства, включая Германию (Olimova, 2010; Kan & Aytimur, 2019).

Безработица, низкий уровень заработной платы и наличие молодого образованного населения формируют устойчивое давление в сторону эмиграции. Расширение знания немецкого и английского языков, рост доступа к информации, а также стремление к более стабильной жизненной и профессиональной траектории усиливают данные мотивы. Одновременно потребность Германии в рабочей силе и более открытые иммиграционные механизмы, на фоне экономической волатильности и изменения миграционного регулирования в традиционных странах приема, создают институциональные условия для развития данного направления.

Каналы миграции в Германию включают в себя образовательные стипендии, академическую мобильность, профессиональное обучение, частный рекрутинг и волонтерские программы. Эти каналы привлекают преимущественно образованную молодежь, студентов, выпускников и лиц, ориентированных на получение профессиональной квалификации. Результаты опроса показывают, что учебная миграция доминирует среди первоначальных каналов въезда, при этом многие студенты и участники волонтерских программ впоследствии остаются на немецком рынке труда. Это усиливает роль Германии не только как временного направления обучения или работы, но и как страны долгосрочного проживания и профессионального развития.

Численность таджикских мигрантов в Германии пока остается ниже, чем в России, однако миграционные потоки в германском направлении растут и уже превышают показатели по ряду других направлений, включая Казахстан (Jaupart,

2019; OECD, 2023). Денежные переводы из Германии пока имеют более умеренное значение, но демонстрируют рост, формируя дополнительный источник поступлений наряду с переводами из России (Sharipov, 2014; Kumo, 2012). При условии направления этих ресурсов в инвестиции, передачу навыков, развитие предпринимательства и поддержку возвращающихся мигрантов данный коридор может способствовать снижению зависимости Таджикистана от одного миграционного направления и усилению развивающего эффекта миграции для обеих стран.

Список источников

Рязанцев, С. В., Письменная, Е. Е., Рахмонов, А. Х. (2023). Эмиграция молодежи из Таджикистана в страны Организации экономического сотрудничества и развития: история и современные тренды. *Oriental Studies, 16*(6), 1418–1443. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443 EDN: BJKBNK

Azzarri, C., & Zezza, A. (2011). International migration and nutritional outcomes in Tajikistan. *Food Policy, 36*(1), 54–70. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2010.11.004

Benedetti, G., Sauka, A., Pavlova, M., Zvonareva, O., & Groot, W. (2025). Pioneering New Migration Routes: Central Asian Truck Drivers' Experiences in the EU. *Central Asian Survey,* 1–19. https://doi.org/10.1080/02634937.2025.2479099

Deissinger, T. (2015). The German Dual Vocational Education and Training System as 'Good Practice'? *Local Economy the Journal of the Local Economy Policy Unit, 30*(5), 557–567. https://doi.org/10.1177/0269094215589311

Eltges, M., & Strubelt, W. (2019). Migration — Germany's past and present. Thoughts and figures. *European Spatial Research and Policy, 26*(2), 35–58. https://doi.org/10.18778/1231-1952.26.2.02

Glorius, B. (2018). Migration to Germany: Structures, processes, and discourses. *Regional Statistics, 8*(1), 3–28. https://doi.org/10.15196/rs080101

Jaupart, P. (2019). No country for young men: International migration and left-behind children in Tajikistan. *Economics of Transition and Institutional Change, 27*(3), 579–614. https://doi.org/10.1111/ecot.12187

Justino, P., & Shemyakina, O. N. (2012). Remittances and labor supply in post-conflict Tajikistan. *IZA Journal of Labor & Development, 1*(1), 1–28. https://doi.org/10.1186/2193-9020-1-8

Kan, S., & Aytimur, R. E. (2019). Labor Force Participation of Women Left behind in Tajikistan. *Oxford Development Studies, 47*(1), 1–28. https://doi.org/10.1080/13600818.2018.1484899

Kubal, A. (2016). Spiral Effect of the Law: Migrants' Experiences of the State Law in Russia — a Comparative Perspective. *International Journal of Law in Context, 12*(4), 453–468. https://doi.org/10.1017/s1744552316000215

Kumo, K. (2012). Tajik Labour Migrants and their Remittances: Is Tajik Migration Pro-Poor? *Post-Communist Economies, 24*(1), 87–109. https://doi.org/10.1080/14631377.2012.647630

Malakhov, V. (2018). Germany after "migration crisis": Economy, politics and society. *World Economy and International Relations, 62*(5), 41–51. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-41-51

Malyuchenko, I. (2015). Labour migration from Central Asia to Russia: Economic and social impact on the societies of Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. *Central Asia Security Policy Briefs, 21,* 1–18. [Электронный ресурс]. https://www.osce-academy.net/upload/file/Policy_Brief_21.pdf (дата обращения: 16.06.2026).

Murakami, E., Yamada, E., & Sioson, E. P. (2021). The impact of migration and remittances on labor supply in Tajikistan. *Journal of Asian Economics, 73,* 101268. https://doi.org/10.1016/j.asieco.2020.101268

Oeben, M., & Klumpp, M. (2021). Transfer of the German Vocational Education and Training System — Success Factors and Hindrances with the Example of Tunisia. *Education Sciences, 11*(5), 247. https://doi.org/10.3390/educsci11050247

OECD. (2023). *International Migration Outlook 2023.* Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/b0f40584-en

OECD. (2024). *International Migration Outlook 2024*. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/50b0353e-en

Olimova, S. (2010). The impact of labour migration on human capital: The case of Tajikistan. *Revue Européenne De Migrations Internationales, 26*(3), 181–197. https://doi.org/10.4000/remi.5239

Poletaev, D. V. (2025). Housing Conditions of Migrant Workers from Central Asia in Russia. *Population and Economics, 9*(1), 244–258. https://doi.org/10.3897/popecon9.e154154

Privara, A. (2022). Competitiveness of Germany and the labour market: A migration perspective. *Journal of Competitiveness, 14*(2), 116–134. https://doi.org/10.7441/joc.2022.02.07

Rakhmonov, A. K., & Manshin, R. V. (2019). Trends and strategies of labor emigration from Tajikistan to OECD countries. *RUDN Journal of Economics, 27*(1), 159–168. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-159-168

Schenk, C. (2018). *Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia*. Toronto: University of Toronto Press, 392.

Sharipov, B. (2014). Remittances and economic development in the Republic of Tajikistan: Impact on macroeconomic stability. *Central Asia and the Caucasus, 15*(4), 94–107.

Yormirzoev, M. (2017). Determinants of Labor Migration Flows to Russia: Evidence from Tajikistan. *Economics & Sociology, 10*(3), 72–80. https://doi.org/10.14254/2071-789X.2017/10-3/5

References

Azzarri, C., & Zezza, A. (2011). International migration and nutritional outcomes in Tajikistan. *Food Policy, 36*(1), 54–70. https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2010.11.004

Benedetti, G., Sauka, A., Pavlova, M., Zvonareva, O., & Groot, W. (2025). Pioneering New Migration Routes: Central Asian Truck Drivers' Experiences in the EU. *Central Asian Survey,* 1–19. https://doi.org/10.1080/02634937.2025.2479099

Deissinger, T. (2015). The German Dual Vocational Education and Training System as 'Good Practice'? *Local Economy the Journal of the Local Economy Policy Unit, 30*(5), 557–567. https://doi.org/10.1177/0269094215589311

Eltges, M., & Strubelt, W. (2019). Migration — Germany's past and present. Thoughts and figures. *European Spatial Research and Policy, 26*(2), 35–58. https://doi.org/10.18778/1231-1952.26.2.02

Glorius, B. (2018). Migration to Germany: Structures, processes, and discourses. *Regional Statistics, 8*(1), 3–28. https://doi.org/10.15196/rs080101

Jaupart, P. (2019). No country for young men: International migration and left-behind children in Tajikistan. *Economics of Transition and Institutional Change, 27*(3), 579–614. https://doi.org/10.1111/ecot.12187

Justino, P., & Shemyakina, O. N. (2012). Remittances and labor supply in post-conflict Tajikistan. *IZA Journal of Labor & Development, 1*(1), 1–28. https://doi.org/10.1186/2193-9020-1-8

Kan, S., & Aytimur, R. E. (2019). Labor Force Participation of Women Left behind in Tajikistan. *Oxford Development Studies, 47*(1), 1–28. https://doi.org/10.1080/13600818.2018.1484899

Kubal, A. (2016). Spiral Effect of the Law: Migrants' Experiences of the State Law in Russia — a Comparative Perspective. *International Journal of Law in Context, 12*(4), 453–468. https://doi.org/10.1017/s1744552316000215

Kumo, K. (2012). Tajik Labour Migrants and their Remittances: Is Tajik Migration Pro-Poor? *Post-Communist Economies, 24*(1), 87–109. https://doi.org/10.1080/14631377.2012.647630

Malakhov, V. (2018). Germany after "migration crisis": Economy, politics and society. *World Economy and International Relations, 62*(5), 41–51. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-41-51

Malyuchenko, I. (2015). Labour migration from Central Asia to Russia: Economic and social impact on the societies of Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. *Central Asia Security Policy Briefs, 21,* 1–18. https://www.osce-academy.net/upload/file/Policy_Brief_21.pdf (Date of access: 16.06.2026).

Murakami, E., Yamada, E., & Sioson, E. P. (2021). The impact of migration and remittances on labor supply in Tajikistan. *Journal of Asian Economics, 73,* 101268. https://doi.org/10.1016/j.asieco.2020.101268

Oeben, M., & Klumpp, M. (2021). Transfer of the German Vocational Education and Training System — Success Factors and Hindrances with the Example of Tunisia. *Education Sciences, 11*(5), 247. https://doi.org/10.3390/educsci11050247

OECD. (2023). *International Migration Outlook 2023*. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/b0f40584-en

OECD. (2024). *International Migration Outlook 2024*. Paris: OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/50b0353e-en

Olimova, S. (2010). The impact of labour migration on human capital: The case of Tajikistan. *Revue Européenne De Migrations Internationales, 26*(3), 181–197. https://doi.org/10.4000/remi.5239

Poletaev, D. V. (2025). Housing Conditions of Migrant Workers from Central Asia in Russia. *Population and Economics, 9*(1), 244–258. https://doi.org/10.3897/popecon9.e154154

Privara, A. (2022). Competitiveness of Germany and the labour market: A migration perspective. *Journal of Competitiveness, 14*(2), 116–134. https://doi.org/10.7441/joc.2022.02.07

Rakhmonov, A. K., & Manshin, R. V. (2019). Trends and strategies of labor emigration from Tajikistan to OECD countries. *RUDN Journal of Economics, 27*(1), 159–168. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-1-159-168

Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., & Rakhmonov, A. Kh. (2023). Youth Migration from Tajikistan to OECD Member Countries: History and Present-Day Trends. *Oriental Studies, 16*(6), 1418–1443. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1418-1443. EDN: BJKBNK (In Russ.)

Schenk, C. (2018). *Why Control Immigration? Strategic Uses of Migration Management in Russia*. Toronto: University of Toronto Press.

Sharipov, B. (2014). Remittances and economic development in the Republic of Tajikistan: Impact on macroeconomic stability. *Central Asia and the Caucasus, 15*(4), 94–107.

Yormirzoev, M. (2017). Determinants of Labor Migration Flows to Russia: Evidence from Tajikistan. *Economics & Sociology, 10*(3), 72–80. https://doi.org/10.14254/2071-789X.2017/10-3/5

Информация об авторе

Рахмонов Абубакр Хасанович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социальной демографии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук; https://orcid.org/0000-0001-9924-5857 (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: abubak.93@mail.ru).

About the author

Abubakr Kh. Rakhmonov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Social Demography of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-9924-5857 (building 1, 6, Fotievoi St., Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: abubak.93@mail.ru).

Дата поступления рукописи: 16.04.2026.
Прошла рецензирование: 22.04.2026.
Принято решение о публикации: 30.04.2026.
Received: 16 Apr 2026.
Reviewed: 22 Apr 2026.
Accepted: 30 Apr 2026.